

Четыре сердечка

Ничего хорошего в том, что ты чувствуешь себя адекватнее собственной матери.

Особенно сегодня, тридцать первого декабря.

И вообще, я давно смирилась с приливами и отливами ее настроения.

Так-то мама очень даже ничего. Ей сорок один и у нее даже нет второго подбородка, представляете? У меня есть, а у нее только слегка намечается.

Я в папу. И мне пятнадцать. Папины подбородки здорово маскируются в бороде. А мне куда деваться? Понятное дело, никакой бороды – только водолазки и чертовы шарфы, которые меня бесят, потому что я все время, все время от них чешусь.

В общем, мамин прилив – это два-три дня, когда ее саму все бесит. Но больше всего – я. На втором месте – папа. Собаку не трогает, а нацеловывает в черный мокрый нос.

«Мышонок, – читаю ее СМС через три часа после «Сколько можно?» и «Когда это закончится?» и кидания моих носков, как снежков, из прихожей в сторону гостиной. Типа, не должны здесь валяться. Наша йошка Буся думает, что это белые мячики, бежит за ними и несет обратно. Так вот, – Мышонок, не забудь про витамины и таблетки от аллергии. Обнимаю, милая».

И четыре сердечка.

Всегда.

Но сегодня первый день прилива и у меня нет вариантов дождаться отлива.

Вечером Арина, моя подружка и одноклассница, написала в наш чат «Рабы Тихомировой», что можно к ней с ночевкой на Новый год. Родители идут справлять в дом рядом, к друзьям, а Арине отдают их дом на растерзанье. И да, Тихомирова – это наша классная. Она добрая, только бешеная немного. Энергии слишком. А про рабов – это Иголкин Антон придумал. Прикольно ведь, да?

Папе хорошо, он с утра на дачу уехал. Баню топить и все такое. Весь ужас в том, что родители решили справлять Новый год на даче. И бабушку туда привезти, и тетю Люду, и Сашку, мою двоюродную сестру, ей восемь.

Я бы пережила это, тем более, всегда можно уйти в летний домик, включить обогреватель и предаться полной автономии от родственников.

Я загадала, пойдет ли к Аринке Ваня.

Он написал, что вероятность двадцать процентов.

Даже, если бы был один процент, я бы пошла. А тут двадцать!

И Мия будет, и Варя, Ксюха, Алина. Из мальчиков Макс, Федя и Антон.

И двадцать процентов Вани.

Сегодняшнее мамино настроение я сразу вычислила, да тут и отличницей быть не надо:

– Женья?– кричит мне из кухни. – Тебя сто раз надо звать? Иди завтракать. Или обедать. Пока дойдешь, точно обед будет, – это она мне уже перед дверью в комнату говорит.

Голос, как прабабушкина сковородка. Чугунная, кажется. Ей убить можно, какая тяжелая.

А ведь сегодня мы будет класть под елку подарки. Не под квартирную, под дачную.

Но разве это меняет дело?

Я ковыряюсь в тарелке с полезной овсянкой и смотрю на часы. Одиннадцать. А на дачу, вроде бы говорили, поедем в шесть. У меня семь часов на стратегию и тактику. Это я недавно презентацию по Александру Македонскому делала – помню эти слова.

– Мам, – старюсь быть доброй и спокойной. – Можно я...

– Постельное белье надо поменять, иди, сними. И уберись в комнате. Там не то, что свинарник, там просто ужас, – жестко перебила меня мамина спина у раковины.

Ладно. Сниму белье и уберусь – может, так и лучше будет?

Ей не хочется на дачу. Потому что вся готовка на ней и уборка, и все на свете. Мама сама так говорит. Хотя я стараюсь помогать.

– Почему ты и папа не справите Новый год, как вам хочется? – спрашивала не раз.

– Мы не принадлежим себе так, как бы нам хотелось. Мы все в отношениях и обязательствах, – так обычно отвечает мама. И вздыхает.

Иногда просто:

– Без вариантов. Ты бабушку Олю не знаешь?

Бабушка Оля – это папина мама. Все говорят, что она обидчивая, но я не замечаю.

Может, потому что я ее не обижала?

Через два часа после смены белья и уборки, вернее, расталкивания вещей по ящикам комода и шкафу, я решаюсь. Тем более, Арина уже написала раза десять: «Ты пойдешь?»

– Мам, можно я пойду к Арине на Новый год?

Это я сказала одними губами. Беззвучно. Звук застрял где-то в горле и получился только хриплый свист.

Не отпустит.

Спросит, будут ли там мальчики, а я не смогу соврать, это ж легко проверить. У родителей тоже свой чат. Наверно, «Школьный кошмар» называется или что-то в этом роде.

Ваня на прошлой неделе дернул мой шнурок на кеде. Развязал и засмеялся.

Смешной. Так заигрывает мило.

Но Мийке тоже дергал и я ревновала, хотя Арина говорит, что я ему сто процентов нравлюсь.

Я это смогу проверить сегодня, если двадцать его процентов сбудутся. И мой один.

– Женя, сходи в магазин. Пармезан забыла для салата и мандарин докупишь, а то подъели уже прилично, на стол нечего ставить будет. И Буську выведи. Я с ног валюсь, никакого Нового года уже не хочу, – говорит мама.

Мне почему-то становится ее жалко. Вид у нее точно не праздничный. И даже четкий подбородок не спасает, потому что под глазами круги и сами глаза уставшие.

Я смотрю на часы. Полчетвертого.

Арине уже ничего не пишу. Поставила режим «самолет», потому что уже нет сил смотреть, как взрывается наш чат и все по очереди.

Аринин папа приготовит нам барбекю и вообще, еды будет полно. И колы.

Стою перед магазинной полкой с сырами и не помню, как называется «Пармезан» и покупаю «Маасдам». Возвращаюсь.

– Женяяя! Блин горелый! Пар-ме-зан!

Теперь можно и не спрашивать. Бес-по-лез-но.

«Пармезан» и выгулянная Буся еще дали бы шанс, но дырявый «Маасдам» откинул меня в глубокий тыл.

Надеваю наушники и вырубаю свет в комнате. Отворачиваюсь к стене. Вытираю слезы.

Хлопает дверь и лает Буся. Слышу через наушники.

Папа.

Приехал за нами. Потом вернется в город и заберет остальных. И все. Все шнурки будут Мийкины.

Блин, но я даже не спросила ни разу.

Вытираю лицо краем чистого пододеяльника и выхожу на кухню.

– Дочь, ты чего не одетая? Давай, время уже, – папа обнимает меня и я чувствую запах дыма и мороза.

– Мам, пап, отпустите меня на Новый год к Арине? Ее родители в соседнем доме будут, а? – я смотрю на папу, как наша Буся смотрит на нас за ужином.

– Ты чего, какая Арина? Мы все вместе сейчас выезжаем. Ты, что, забыла? И бабушка, и Люда, и все там будут. И вообще, Новый год – семейный праздник, – отчеканивает папа голосом лучшего адвоката из детективных сериалов.

Он защитник семейного праздника.

– Вить, пусть идет.

Тихий мамин голос оглушает меня. Она берет невымытый мандарин из пакета, быстро снимает шкурку и запихивает его целиком в рот. Жмуриться. Наверное, я не те купила. Кислые.

– Женька, я не против. Сорок минут езды и мобильная связь – вполне себе хорошее условие. Иди, – мама чистит другой мандарин и делит его на дольки, – Принадлежи себе и запомни это ощущение. Это же так классно.

Она подходит к папе, обнимает одной рукой, а другой кладет ему в рот дольку мандарина. Он тоже жмуриться, совсем как маленький, но тут же «приходит в себя»:

– Аня, ты чего говоришь? Мы же решили...

Буся приносит откуда-то мой белый носок, скомканный в шарик, тычет им в мамину ногу и мама смеется.

– Вить, а у нас с тобой такая девочка хорошая растет... Весь день мне помогает. Кстати, чего-то вспомнила: меня в ее возрасте родители уже отпускали. Может, Женька *в меня* будет?

Мне не верить. Хочется схватить маму, как маленькую, и покружить.

Я обнимаю ее, кажется, первый раз за неделю. И папу тоже обнимаю. Целую Бусю в черный мокрый нос. Ищу телефон и вспоминаю, что он под подушкой в режиме «самолет».

Бегу. Возвращаю его к жизни и вижу миллион непрочитанных сообщений. Но сейчас читаю только два последних. Арининых.

Гневное: «До тебя не дозвониться!!»

И долгожданное: «Ваня будет сто процентов».

Скоро ей позвоню.

Сначала напишу маме. «Ты – самая лучшая».

И четыре сердечка.